

Игорь Шестков "Массандра"

КИПАРИСЫ

Каждый раз, когда ехал в Крым, просыпался ни свет ни заря на своей верхней полке, припорошенной угольной пылью, — и жадно смотрел в окно. Страстно хотел поскорее увидеть первые вестники юга — кипарисы. И вот, на длинном хребте мчащегося вместе с нашим поездом пологого холма выстраивалась вдруг шеренга молодых великанов, гордо вознесших к небу свои, покрытые негритянскими курчавыми волосами ветки. На душе у меня сразу теплело.

Московский бетонный горловой зажим ослабевал...

От предчувствия счастья — встречи с морем, с Ласточкиным гнездом, с Ай-Петри, с черешней и шелковицей — сосало под ложечкой. Только когда мне исполнилось шестнадцать, я понял, что это были не кипарисы, а пирамидальные тополя.

Говорят, однажды Сталин, находясь на даче в Ливадии, испугался, что с кипарисов кто-то в него выстрелит. Комар его укусил, который, как он полагал, живет в кипарисе. И вообще, кипарисы, часто растущие на кладбищах, вызывали у него неприятные мысли. И на южном берегу Крыма вырубili около семидесяти пяти тысяч этих прекрасных деревьев.

...

Витеньке было шесть лет, когда он впервые увидел горы и море.

Они ехали из Симферополя в Ялту на старой «Волге» с поджавшим передние ноги серебряным оленем на капоте. Витенька сидел на переднем сидении, рядом с шофером, бабушка — на заднем.

Ему казалось тогда, что пространство сродни его детскому времени — тягучему, липкому потоку — и не может вести себя как плещущаяся теплая водичка в ванной. Но километрах в пяти от Симферополя пластающаяся обычно по горизонтали плоть земли начала вдруг вздыматься, волноваться. Опускаться балками, лощинами и подниматься горбами холмов, скалистыми грядами.

У памятника Кутузову, который задумывался как фонтан, но был сух, как испорченный водопровод, они сделали короткий привал. Бабушка очистила от

растрескавшейся желтоватой скорлупы куриное яйцо и наказала Витеньке съесть его с бежевым крымским хлебом и кружком жирной украинской колбасы. Но он не мог есть из-за волнения, пища застревала в горле. Витенька ждал появления моря.

И вот, где-то между загадочными каменными пальцами Демерджи и прячущимся за кустами Чатыр-Дагом он увидел впереди что-то ослепительно, потрясающе синее. Оно то появлялось, то исчезало за деревьями и скалами. Витенька не понимал, что это, реальность или видение.

Москва серая, асфальтовая. Подмосковье — блекло зеленое, березово-белое. А тут вдруг такая невероятная, режущая глаза, беспощадная синева! Через несколько поворотов дороги море вдруг открылось перед ним во всей роскоши своего пылающего простирания. У Витеньки захватило дух.

Когда они проезжали Кипарисное, молчавший до того шофер, восточный мужчина с жгуче-черными усами, всю дорогу куривший сигареты Прима, сказал Витеньке: Смотри, смотри, малчик, Аю-Даг. Медвед-гора, значит. Апустил морду в море и пьет...

И тут же откуда-то справа, прямо под колеса Волги, бросилась черная кошка. Шофер инстинктивно дернул руль, машину тряхнуло, и она взлетела как ракета, два раза перевернулась в воздухе вокруг продольной оси и врезалась в растущий на другой стороне дороги кипарис. Обняла его своей жестяной плотью. Шофера раздавило в лепешку. Бабушку поранило, но не убило. А бедного Витеньку вынесло через лопнувшее ветровое стекло и подбросило так высоко, что он смог еще раз в полете насладиться потрясающим видом на сияющую, убегающую к далекому горизонту волшебную синеву, покрасневшую по краям...

Так погиб мой младший брат.

М А С С А Н Д Р А

Несколько раз они останавливались в гостинице «Массандра», построенной в одноименном парке в конце пятидесятых годов. В то время рядом с ней еще не

было гигантского комплекса зданий «Интурист», испоганившего парк и всю восточную Ялту. Южнее гостиницы, на берегу, еще не появилась ужасная трапецеидальная бетонная коробка, а маленькая церковка святого Николая, построенная в начале двадцатого века добреньким царем для санатория матросов-туберкулезников, стояла без купола, побитая и изгаженная. Советская Ялта отдыхала вовсю. На городских пляжах не было свободных мест. Морская вода воняла мочой. Вечерами отдыхающие танцевали и выпивали тысячи бутылок белого и розового Муската. Огромным спросом пользовалось полусладкое Крымское шампанское.

Из открытых окон пансионатов и санаториев доносились слова популярных песен: Расскажи-ка мне дружок, что такое Манжерок... Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не знаю, ничего никогда никому не скажу... Раз-два, туфли надень ка, как тебе не стыдно спать, славная милая смешная Енька нас приглашает тан-це-вать...

Дорога к морю проходила рядом с Домом Актера. Алик и бабушка видели там однажды Райкина. Он производил впечатление неприветливого, раздражительного человека. Бабушка помахала ему рукой в старой белой шелковой перчатке, послала воздушный поцелуй и крикнула: Привет, Райкин! Браво-брависсимо!

А народный артист РСФСР скорчил в ответ брюзгливую мину и, опустив глаза, в которых мерцала самодовольная наглость успешного советского шута, демонстративно отвернулся и тут же бесшумно исчез.

Ходили они и в Массандровский парк. Гуляли по аллеям, любовались на экзотические растения, доходили до заросшего кувшинками прудика, в котором когда-то плавали золотые рыбки, и шли назад. Нагулявшись, расстилали в тени дуба или граба узорчатое одеяло, играли в карты, наслаждались ароматом акации, рокотанием прибоя и потрясающим видом на покрытое белоснежными барашками Черное море.

Бабушка читала толстенную «Неделю». Эту приятно пахнущую типографской краской газету, «оставляла» для нее знакомая киоскерша. Бабушка не оставалась в долгу — в каждый приезд дарила киоскерше пачек по пять «Столичных». Киоскерша дома осторожно открывала красно-белые пачки и выкладывала

сигареты сушиться на подоконник, а через несколько дней аккуратно засовывала их назад. Курила она эти сигареты только когда к ней в гости приходил ее закадычный дружок Филемон, по национальности грек, носивший элегантную соломенную шляпу и тросточку из бамбука, тоже киоскер, только с Набережной имени Ленина, и потому много о себе понимавший и относившийся к массандровской киоскерше несколько свысока. Филемон неизменно приносил с собой бутылку черного Муската и коробочку мармелада. Киоскерша жарила в крохотном дворике шашлык. А после ухода Филемона каждый раз горько плакала.

Бабушка читала «Неделю», потому что «там нет политики и есть про Москву, про театры, артистов и кино». Почитав минут десять, она закрывала глаза и засыпала, и могла запросто проспять часа три. Спала она, впрочем, не глубоко, никогда, даже во сне, не забывала о своей роли няньки-охранительницы, часто просыпалась и закрывала глаза только удостоверившись в том, что Алик «не делает глупости, как все мальчишки», а мирно играет в солдатики, собирает цветочки или ловит бабочек большим зеленым сачком. Бабочек этих Алик, мальчик незлобивый, рассмотрев в лупу и показав бабушке, отпускал на волю (только крылышки иногда отрывал).

...

Однажды погнался Алик за бабочкой. За обыкновенной, репейницей. Толстой, мохнатой, оранжевой, с белыми пятнышками на темных концах крыльев, усыпанной золотой пылью. Репейница сидела на березке. Щупала что-то хоботком. Алик подкрался, занес сачок, хопп... сачок распорол воздух как сверхзвуковой самолет, но бабочка улетела, упорхнула в последний момент... и понеслась широкими размахами, туда-сюда, как будто находилась на концах крыльев огромной невидимой птицы. Алик побежал за ней... она села на алый цветок мака (бабушка говорила ему — не нюхай маков цвет, заснешь и не проснешься)... он подкрался... в немыслимом броске уже было достал ее, но... поскользнулся, растянулся, да еще умудрился хрястнуться подбородком о вылезший жгутом из земли, твердый как мрамор корень.

Очнулся Алик не на земле. Поначалу и не понял ничего. А потом, когда понял, хотел встать и убежать, но его удержали сильные руки незнакомой ему рыжей

женщины, у которой он — непонятно почему — лежал на коленях. Она сидела на траве, прислонясь спиной к трем перекрученным стволам тамариска.

Босоногая эта женщина была одета в длинную голубую рубаху, под которой, и Алик сразу заметил это, колыхались, как две боксерские груши, свободные от лифчика, матовые груди. Длинные вьющиеся рыжие волосы падали ей на широкие полные плечи. В верхнюю петлю ее рубахи был продет лилово-синий цветок чертополоха. Одной рукой она крепко держала Алика за талию, а другой гладила ему голову. И причитала.

— Милый мой, не бойся, маленький мальчик, красавец, кудрявенький пастушок, ты ударился, но все пройдет, улетит бо-бо в небо, как твоя золотая бабочка, полежи, подыши, отдохни, красный камень полижи, боль сойдет-пройдет, соси, соси мою сисю, мальчик!

Она растегнула рубашку, вынула грудь и сунула Алику в рот большой розовый сосок.

И он повиновался ей и принялся сосать... и ее молоко показалось ему божественно вкусным, сладким, как привезенная отцом из Самарканда халва. И боль прошла. И он заснул у нее на коленях.

Разбудила Алика бабушка, он лежал на их одеяле, а во рту у него почему-то был цветок чертополоха. Алик чертополох тотчас отшвырнул, вскочил, осмотрелся.

— Бабуль, а где эта тетка, в голубой рубашке?

— Какая такая тетка? Ты что это еще придумал, сорванец? Ты прибежал с четверть часа назад, сказал, что устал, и прилег. Никого тут не было, только глухонемой с матерью мимо прошли, но я им знаками показала, спит мол... не тревожьте... наверное, в сторону Сталинской дачи пошли, только ведь не пустят их туда. Слуги народа... Я тебе не рассказывала, а я ведь тут бывала, когда во дворце еще туберкулезный санаторий был. Завели меня туда, а там все с открытой формой. Ох, и дура твоя бабушка. Потом всех больных оттуда поганой метлой погнали. Ирод проклятый...

...

С глухонемым мальчиком и его доброй заботливой мамой они познакомились примерно за неделю до этого. Сидели в Массандровском парке на одеяле и карточные домики строили. Вдруг услышали какой-то гул, как будто самолет

летит, и тут же из-за ближайших кустов вылетел небольшой игрушечный вертолет, покружил над нами, задел за ветку и упал прямо на одеяло. Алик взял его в руки, повертел, рассмотрел... таких дорогих игрушек у него отродясь не водилось. Тут из-за тех же кустов выскочил худенький печальный мальчик и бросился к Алику. Выхватил вертолетик у него из рук, прижал его к груди, отбежал шагов на пять, выпучил неестественно глаза, из которых брызнули слезы, крупные как хрустальные висюльки на бабушкиной люстре, упал, распластался на земле и стал корчиться, биться и гортанно мычать. Мычание это было невыносимо... как будто дьявол стонет и хохочет.

Видавшая виды бабушка, подумала, что у мальчика случился припадок эпилепсии и хотела было открыть ему рот и зажать ему между зубов колоду карт (первое, что попало под руку), чтобы не откусил себе язык и не задохнулся. Но тут подбежала запыхавшаяся мать мальчика, полная блондинка с янтарным ожерельем на дебелий груди и янтарным же браслетом на пухлой ручке (на другой ее руке поблескивали золотые часики), мягко оттеснила бабушку телом от сына и сказала: Ничего, ничего, спасибо, не надо ничего делать, припадок пройдет сам, это не эпилепсия, Марик просто испугался, подумал, что его игрушку у него забрали... через пять минут он встанет... Марик глухонемой, воспринимает мир не так, как другие... разрешите представиться... Мери Гдальевна.

Марик поднялся уже через минуту, убедился, что вертолетик у него и в порядке, тут же завел его, пустил и побежал за ним. Мери Гдальевна осторожно присела на край одеяла и рассказала о сыне.

— Слух он потерял из-за осложнения после кори, когда ему еще и двух годочков не было. Здоровый был мальчик и смысленый. Начал говорить. А тут корь... Несколько лет пришлось потратить на лечение осложнений. Мальчик в свои восемь лет так и не понял, что с ним произошло, к контактам с другими детьми практически не способен. Он их просто не замечает.

Тут Мери Гдальевна виновато посмотрела на Алика.

— Вся его жизнь состоит из повторяющихся ритуалов, которые нельзя нарушать... Марик терпеть не может, когда кто-нибудь чужой как-то вторгается в его сферу... Если бы ты еще раз взял в руки его игрушку, с ним бы опять

случился припадок. А во время припадка Марик часто кусает себя за руки, однажды даже зашивать пришлось, — закончила Мери Гдальевна, еще раз виновато посмотрев на Алика. Вытерла мелкий бисер пота на лбу розовым платочком с вышитым на нем дельфинчиком, вздохнула.

— А вы не обращались к московскому профессору П.? Он мировая величина в лечении аутизма, может быть и Марику смог бы помочь, я могу посодействовать.

Бабушка не могла не похвастаться своими связями в московском врачебном мире. Алику стало неловко. Мери Гдальевна вежливо поблагодарила бабушку и побежала за сыном.

Глухонемого и его мать они встречали в Массандре еще несколько раз. Кивали друг другу, бабушка перебрасывалась с Мери Гдальевной парой московских артистических сплетен, вспоминала и других профессоров. Алик строил как мог сочувственную физиономию, мать и сын шли дальше.

Алик действительно сочувствовал Марику, но гораздо острее сочувствия было чувство зависти. Ему ужасно хотелось самому поиграть с вертолетиком, завести его и пустить летать в небо и гоняться за ним по Массандровскому парку.

Алик думал об этом и втыкал и втыкал свой перочинный ножик в небольшую дощечку, лежащую на земле. Фокус состоял в том, чтобы ножик один раз перевернулся в воздухе и расщепил дощечку ровно посередине. Потом нужно было также расщепить две половинки и так далее, пока на земле не останутся только палочки, шириной в спичку. Алик мог расщепить и спичку и очень гордился этим.

...

Через несколько дней дежурящая в холле гостиницы женщина-администратор, раскрасневшаяся от распирающей ее новости, поведала бабушке, что по окрестностям Массандры рыщет сексуальный маньяк, сбежавший из бахчисарайской лечебницы. Милиция ищет его изо всех сил, но пока не нашла. Перед тем, как удрать из лечебницы, маньяк будто бы изнасиловал молоденькую кассиршу и украл из ее кассы тысячу рублей!

— Изнасиловал кассиршу! Украл тысячу рублей! — повторяла администраторша патетически, закатывая глаза.

И вот теперь злодей разезжает себе по Крыму и портит мальчиков и девочек.

Слава богу, пока никого не убил!

Посоветовала быть осторожной, не отпускать Алика гулять одного и — если что, тут же сообщить ей или в милицию.

Жизнь бабушки и Алика после получения этого известия не изменилась.

Бабушка, пережившая войну и эвакуацию, из-за какого-то там «мерзкого шкоды», как она выразилась, привычек менять не хотела. После завтрака они шли на пляж. Пока Алик плавал, бабушка не отрываясь на него смотрела. Потом обедали в столовке, не обращая внимание на то, что тамошняя еда пахла тухлятиной. Затем отдыхали часок у себя в номере и отправлялись в Массандру, искать тень и прохладу.

Так было и в тот день. Они нашли подходящее тенистое место, расстелили одеяло, сыграли раз пять в подкидного... попили теплой кипячёной воды из термоса... съели несколько баранок и карамельных конфеток... бабушка почитала «Неделю» и задремала, предварительно строго указав Алику на границы его игр. Алику тут же ужасно захотелось эти границы нарушить. Поиграв немного в ножички, он присел на одеяло и начал от скуки листать бабушкину газету... дождался того момента, когда негромкий мирный храп его бабули стал более-менее регулярным, тихонько поднялся и побежал на цыпочках по направлению к колючим зарослям, метрах в ста от их одеяла. Потому что ему показалось, что там, за ними, мелькнула знакомая синяя рубашка. Ему страшно хотелось, чтобы рыжая еще раз показала ему свою грудь. Он представлял себе это каждый день сотни раз и в его паху загорался бенгальский огонь. Тушить его он еще не умел. Метров за десять до кустарника, он вдруг услышал знакомое мычание. Ага, подумал Алик, значит где-то тут разгуливает этот, глухонемой. О маньяке Алик и думать забыл.

Колючий кустарник был посажен кругом-бубликом. Мычание глухонемого явно доносилось из его пустой середины. Рассмотреть Алик ничего не мог — из-за густой листвы. Обошел вокруг кустарника, нашел узкий лаз и полез по нему, стараясь не шуметь. Так же тихо вылез из зеленого тоннеля... выпрямился, и увидел внутри заросшего густой травой круга привязанного толстой веревкой к дереву Марика. Марик был голый, во рту у него был кляп, его же свернутая в

трубку маечка. Бедро его были разведены... Перед ним сидел какой-то тип, наверное, маньяк. Лицо его было на уровне Марикова живота. Что он делал, Алик не понял, но ему показалось, что привязанному к дереву Марику это нравится. В его тихом мычании было что-то от томного кошачьего урчания. И тут как будто хлопушка взорвалась в голове у Алика. Все вдруг изменилось. Как же он раньше не догадался! Не было тут никакого маньяка. Это она, та, рыжая красавица, ласкала глухонемого. Обнимала его, гладила, целовала его грудь и живот. А Марик смотрел во все глаза на ее обнаженную грудь, трущуюся о его колени, и страстно мяукал. Бешеная ревность ужалила Алика в сердце.

...

Бабушка трясла его за плечи.

— Просыпайся, просыпайся, сынок! Домой пора! Тут милиционеры приходили, Марика искали, пропал! Мать убивается. Как ее... Гдальевна с янтарями... Ее в соседнем корпусе, в кабинете медсестры, валерианкой отпаивают. А ты спишь и спишь.

— Ба, я знаю, где Марик.

— Спаси и сохрани нас, Царица Небесная! Где?

— А вон там в густых кустах.

— Ты откуда знаешь?

— Мне приснилось.

— Что за чепуха?

Пошли однако смотреть. С большим трудом Алик уговорил бабушку пролезть сквозь зеленый лаз. Бабушка лезла, охала и божилась. Вылезли они, держась за руки.

Рядом с деревом лежала какая-то большая изодранная красная кукла.

Бабушка ахнула, быстро закрыла Алику рукой глаза и тут же, не говоря ни слова, погнала его через лаз назад и сама поторопилась за ним. К телу даже не подошла.

Через двадцать минут на месте преступления уже была милиция. Алика заперли в гостиничном номере. А потом его там же в присутствии бабушки допрашивали два следователя — высокий молодой блондин и коренастый чернявый, постарше. Чернявый, дергался, брызгал слюной, истерил, грозил колонией,

блондин был корректен, старался разговорить мальчика, задавал вопросы, не имеющие отношения к делу.

Алик твердил: Ловил бабочек сачком, услышал мычание, пролез сквозь лаз, увидел что-то, не знаю, что, испугался до смерти, побежал назад к бабушке и заснул...

На следующий день Алик в брошенной кем-то в гостинице газете прочитал, что Марика до смерти запрыгали ножом, который оперативники нашли рядом с трупом.

...

Через пару дней маньяка взяли в Алуште. Он был легко ранен — у него были порезаны руки и на щеке алела длинная, но неглубокая рана. Маньяк обратился за помощью в одну из алуштинских поликлиник. Врач сообщил о его появлении в милицию и начал обрабатывать порезы. При аресте маньяк серьезного сопротивления не оказал, городил какую-то чепуху, в частности бормотал что-то о «рыжей бестии и ее пастушке».

Алика водили на опознание... он вел себя беспокойно, трясся, а когда ему показали подозреваемого через зеркальное стекло, потерял сознание — Алику показалось, что маньяк укоризненно смотрит ему в глаза и показывает пальцем на порез на щеке. Ему дали понюхать нашатыря и отпустили. А маньяка осудили и расстреляли через четыре месяца, несмотря на отсутствие признания и статус душевнобольного.

Рыжую женщину Алик больше никогда не видел.

Дальнейшая жизнь его проходила без особых приключений. Окончил МАИ, работал, женился, развелся. В девяностом году переехал в Германию.

Я познакомился с ним в Дрездене, на вечере у общих знакомых. Там он и рассказал мне эту историю. Когда я прямо спросил его, убил ли он Марика, он ответил так: Ты писатель, думай сам. А я... не знаю... я рассказал тебе все так, как все это память сохранила. Одно только могу добавить — ножик мой любимый, металлический такой, с парусом, я в тот день потерял. Искал потом, искал, но все напрасно. Через день купил такой же потихоньку в канцелярском. За тридцать пять копеек. Чтобы бабушка не заметила.

